

- 4 СЕН 1981

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

Владимир КОНКИН

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Имя молодого актера, заслуженного артиста УССР Владимира Конкина хорошо известно зрителям. Острую наблюдательность, живые черточки, влюбленность в природу, гуманные чувства мы видим и в его «пробах пера» — литературных опытах, один из которых мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

ГРУЗОВИК подкатил к подъезду дома. В кузов сложили узлы с перинами и подушками, коробки с посудой, стопки книг, перевязанные бечевкой. Мы едем на дачу, и это обстоятельство окончательно подводит черту под моим 5-м классом.

Вот именно тогда, в летние каникулы, случилась эта маленькая история.

Редко кто из мальчиков не мечтает о настоящем ружье. Я тоже мечтал, но ружья у нас не было — отец охотой не увлекался. Первоз время занятия находились, но через несколько дней все надоело, ни грибов, ни ягод еще нет — рано. Было бы ружье — тогда другое дело! И оставалось мне только мыкаться между дачей и двумя бараками, в которых жили путевые рабочие и обходчики. Бараки были оштукатурены глиной, замешанной на соломе. К осени их стены были похожи

на раскрытые тетради по арифметике, где вместо аккуратных линейчек были серые, покоробленные дранки. Люди там жили самые разные, судьбы у всех были трудные.

Однажды один из них, дядя Коля, одолжил мне не только ружье, но и гильзы, мерку, дробь, порох, пыжи, и все это не на один день, как я просил, а до тех пор, пока оно ему не понадобится. Счастью моему пределов не было. Прибежав домой, при зажженной свече, я начал заряжать пустые гильзы. Лег поздно с мечтой о скорейшем наступлении утра. Проснувшись, увидел множество тоненьких солнечных лучиков. Прорезав комнату, они замерли яркими пятнами на противоположной стене, как белые точки на шляпке мухомора. Ура! Можно пойти в лес и, если повезет, подстрелить сороку. Не успела мама

оглянуться, а я, дожевывая на ходу завтрак, бежал к калитке. Ружье через плечо, в карманах штанов патроны, волосы намочены водой и зачесаны назад, чтобы не лезли в глаза на «охоте», а для большего удобства надета старая отцовская тюбетейка. Тропинка поднималась по насыпи, ужом вилась между колючим боярышником, зарослями репейника и крапивы. Над рельсами железной дороги трепетал нагретый воздух.

Я вошел в лес. Сразу решил идти не по тропе, а продираться через кустарник в осинник, там были сорочьи гнезда. Сорока, «первая лесная сплетница», услышит или увидит человека — кричит во все горло. Партизаны во время войны ненавидели сорок. Они наводили на их след карателей.

Тишина. Но вот от станции прокатилось по лесу эхо от гудка паровоза. Тут же на макушке осины застрекотала сорока, другая, третья... Они сорвались со своих веток, галдали и будоражили лес, полетели в разные стороны. То ли паровоз их потревожил, то

ли я неловко наступил на сухую ветку. Шагая с возможной осторожностью дальше, проваливаясь в сухой многослойный ковер листьев, замирая с поднятой ногой и прислушиваясь, вертя головой, с которой постоянно сваливалась тюбетейка, с влажными от лесной духоты и волнения руками я не представлял себя ни индейцем, ни белым отважным поселенцем, ни Дерсу Узала — нет. Я был самим собой, простым мальчишкой, которому все это до жути нравилось. Все, что окружало меня, было выше любой фантазии писателя. Сам лес, как огромный бесконечный мир, был волшебником. Я растворялся в этом реальном волшебстве. Не нужно мне было бизонов, львов, райских птиц и крокодилов. Мне очень хотелось выследить сороку. Я чувствовал себя властелином и одновременно братом этого леса.

Выйдя из осинника на большую опушку, увидел на телеграфном столбе сороку. Она сидела ко мне спиной на изоляторе. Легкий ветерок дул в нашу сторону, и сорока меня не слышала.

В любой момент птица могла улететь. Продвигаясь вперед, я начал поднимать ружье к плечу. Нас разделяло шагов пятнадцать. Прицелился, но пока я целую вечность, как мне показалось, тянул курок, мушка ушла в сторону. И уже не видя мушки, одеревенев, я резко дернул спусковой крючок. Грохот был страшный. Приклад сильно ударил в плечо. Ошалев на мгновение, растеряв мокрую от пота рубашку, испытывая страшную жажду, я увидел на столбе железный крюк без изолятора. Проволока раскачивалась, задевая резьбу крюка и тонко, пронзительно позвякивала. Вокруг валялись белые осколки изолятора, на них лежала подстреленная мною птица. Это была не сорока, а удода — птица чуть меньше голубя. У нее длинный клюв и рыжеватые перья с черными подпалинами. Птица упала на крыло, вывернув его и растопырив перья веером. Маленькая капля крови выкатилась из клюва. Глаза подернулись пленкой. Лапки дрожали. Эта картина свершила мгновенный переворот

в моей душе. Возник страшный вопрос — зачем? Зачем я это сделал? Птица открыла глаза, стала топорщить перьевой гребешок. Расправит гребешок, опустит...

Мелькнула надежда, что если за ней ухаживать, может быть, будет все хорошо, и она еще полетит. Сорвав лопух и положив на него удода, я помчался домой, стараясь не уронить и как можно меньше трясти его. Удод открывал и закрывал клюв, ловил воздух. На веранде я осторожно положил лопух с птицей возле блюда с водой. Намоченной ваткой вытер удода кровью. Подумав, отжал смоченную ватку ему в клюв. Пленка, закрывавшая глаза удода, дернулась, но открылась не до конца. В полузакрытых глазах его не было упрека. Птица не понимала, что с ней произошло, и умирала тихо, беззвучно.

Я поднял удода, опустив с крыльца веранды, вышел за калитку и по тропинке, по которой совсем недавно, ликуя, мчался в лес, побрел среди боярышника, крапивы и репейника. Перед железно-дорожным полотном я свернул

с тропинки, ведшей в лес, и вышел на вершину холма, где стоял полуразрушенный шалаш сторожей сада. Вокруг никого не было. Далеко у подножия другого холма между двумя огромными оврагами тархтел маленький трактор, а еще дальше, за холмом и оврагами, был город и Волга. От огромного города с трубами заводов и широкой Волги с пароходами и баржами не долетало никаких звуков. Как в мираже — видишь и ничего не слышишь. Я был один. Нет. Был я и убитая мной птица. Палкой в рыхлой известняковой почве я вырыл ямку и положил в нее удода. Когда-то эта земля с садом и лесом была дном древнего океана. В земле и на поверхности было много длинных камешков — «чертовых пальцев», из которых я сделал маленькую ограду вокруг места, где лежал удода. Поднявшись на ноги, отряхнув колени, я все смотрел и смотрел на то, что меня окружало: на небо и солнце, на холмы и овраги, на лес и сад, на дома, на город и Волгу. Мне было грустно.

Вечером я вернул дяде Коле ружье.

— Да мне пока не нужно, пусть у тебя будет, — сказал он.

— Спасибо. Мне тоже не нужно, — сказал я.